Пожалуй, он действительно был похож на старшего брата, у которого временно гостишь.

Ю Мэн то и дело заглядывал Му Бомину в макушку.

В большинстве случаев над ней не появлялось никаких надписей, и это было к лучшему, иначе подобное неизменно выбивало бы из колеи. Не считая того раза в больнице, в последующие два-три раза возникали лишь краткие описания происходящих событий, и все они были связаны с Ю Нин.

Например:

Вторая передвижная художественная выставка Ю Нин. На выставке один богатый джентльмен захотел выкупить картину, не предназначенную для продажи.

Ю Нин долго отнекивался, но Му Бомин протянул ему руку помощи и неожиданно выяснил: та картина выставлялась не на продажу потому, что на ней были изображены солнце, мелкие маргаритки, кустарник и качели — и создана она была специально для Му Бомина, в память об их беззаботном детстве.

Му Бомин выкупил эту картину за двадцать миллионов.

Увидев это, Ю Мэн как раз держал в руках чашку с только что сваренным кофе и, одетый в пижаму, направлялся в свою комнату. Он остановился и посмотрел на Му Бомина, который разговаривал по телефону в гостиной.

Заметив его движение, Му Бомин не стал завершать разговор, а просто продолжал говорить, не сводя с Ю Мэна издалека пристального взгляда.

Повесив трубку, Му Бомин правой рукой покрутил телефон с погасшим экраном и приподнял бровь, глядя на Ю Мэна.

Ю Мэн отпил из чашки глоток кофе:

— Что для тебя означают двадцать миллионов? Это считается большой суммой?

— А как ты думаешь? — хоть Му Бомин и не понимал его внезапного вопроса, он всё же ответил неторопливым тоном. — Ты ведь уже два года как вернулся в семью Ю, неужели у тебя даже на карманные расходы не наберется двадцати миллионов?

Ю Мэн покачал головой:

— Никаких наличных, только кредитная карта с лимитом.

Услышав это, Му Бомин направился к нему:

— А недвижимость?

Ю Мэн покачал головой:

— Мама дарила мне кое-какую одежду и подарки.

В конце концов, они были кровными родственниками, и, возможно, Ю Чжэнжэнь с Ли Цинпин и планировали выделить ему часть семейного имущества, но до сих пор он ничего подобного не видел. Раньше он не придавал этому значения, поскольку его материальные запросы были невысоки, и он вовсе не стремился признать своих предков ради денег семьи Ю.

— И впрямь несчастный сиротка.

Произнеся это, Му Бомин уже подошел вплотную.

Ю Мэн слегка приподнял голову.

Му Бомин забрал из его рук кофе и пригубил:

— Горький. Горький точно так же, как судьба Мэнмэн.

На следующее утро Ю Мэн получил от Му Бомина подарок: роскошный особняк в центре Пекина, спортивный автомобиль стоимостью в десятки миллионов и безлимитную золотую карту.

Му Бомин уже уехал на работу, а ключи и золотая карта небрежно лежали перед кофемашиной на барной стойке, рядом с ними крест-накрест были положены два цветка маргаритки.

Ю Мэн не стал трогать ключи и карту, а вместо этого взял те две маргаритки.

Когда Му Бомин навещал его в больнице, он каждый раз приносил букет цветов, и в каждом обязательно присутствовали маргаритки; в сюжете, связанном с Ю Нин, маргаритки также упоминались на той картине стоимостью в двадцать миллионов.

Полгода спустя.

Му Бомин получил новое сообщение.

Поселившись у Му Бомина, Ю Мэн раздобыл номер его личного телефона, однако не засыпал его дежурными утренними и вечерними приветствиями — вместо этого он словно между делом отправлял собеседнику всякую незначительную повседневную ерунду.

Му Бомин обычно отвечал лишь спустя какое-то время.

Но каждую весточку он просматривал.

Моментально.

Буквально через несколько секунд после того, как прилетало сообщение от Ю Мэна, Му Бомин прямо перед докладывающим о делах начальником отдела доставал телефон и открывал чат.

Это была картина.

Содержание рисунка оказалось самым простым: две белые маргаритки.

Было заметно, что у художника отсутствуют какие-либо профессиональные навыки рисования — он просто полагался на инстинкт, пытаясь передать форму, свет и тени. Рисовавший, должно быть, обладал природным художественным талантом, поскольку простота рисунка на деле производила эффект куда более сильный, чем азы уроков рисования в школьные годы, а границы света и тени были исчерканы масляной пастелью вдоль и поперек.

Каков человек, такова и картина.

Неуклюже, упорно, мило.

Незаметно голос начальника отдела, докладывавшего о делах, становился всё тише, а голова опускалась всё ниже.

Пока Му Бомин, не поднимая головы, не бросил:

— Продолжайте.

Только тогда начальник отдела продолжил с того самого места.

Разумеется, при условии, что это не нарушит редкое хорошее настроение босса.

Настроение у Му Бомина и вправду было отменным, он даже невольно напевал легкую классическую мелодию, постукивая пальцами одной руки по поверхности письменного стола, в то время как другая открывала диалог с Ю Мэном. Нажав на рисунок начинающего автора, он снова и снова касался сквозь экран изображенных на солнце маргариток.

На этот раз он не стал выжидать время перед ответом.

Му Бомин: Это ты нарисовал?

Му Бомин: Немного наивно.

Му Бомин: Это ответный подарок?

Голос начальника отдела, докладывавшего о делах со всей серьезностью, снова начал затихать.

Ведь всего за каких-то пару минут улыбка на лице сидевшего перед ним непосредственного начальника исчезла прямо на глазах, а ритм постукивания пальцев по столу сделался раздраженным. Еще через три-пять минут тот и вовсе снял очки, обнажив свой острый взгляд, и, всё так же не поднимая головы, произнес:

— Выйдите.

Начальник отдела торопливо покинул кабинет.

Спустя полчаса Ю Мэн прислал ответ.

Ю Мэн: Я нарисовал.

Ю Мэн: Наивно? А я думал, тебе очень понравится.

Уставившись на сообщение пару секунд, Му Бомин напрямую позвонил ему. После нескольких гудков в трубке раздался голос Ю Мэна:

— Алло, братец Му?

Му Бомин поинтересовался:

— Почему не отвечал на сообщения?

Ю Мэн невинно отозвался:

— Я же ответил.

Му Бомин хмыкнул:

— А на сообщения Дуань Ляна ты тоже отвечаешь так медленно?

Как только слова затихли, оба погрузились в молчание.

Спустя мгновение послышался смешок Ю Мэна:

— Если бы это был Дуань Лян, он бы не стал намеренно мариновать меня по денек-другой перед ответом.

Улыбка Му Бомина исчезла окончательно.

Словно затаив обиду на собеседника, в течение следующих полдня Му Бомин оставил телефон

на столе на громкой связи, подключил зарядный провод и велел начальнику отдела вернуться, чтобы продолжить прерванный рабочий доклад, а сам больше не произнес ни единого слова.

Лишь под конец рабочего дня Му Бомин заметил, что Ю Мэн так и не сбросил вызов.

Когда он брал телефон, раздался довольно громкий звук.

Словно всё это время внимательно прислушиваясь, Ю Мэн тихонько позвал:

— Господин Му?

Му Бомин улыбнулся краешком рта:

— Господин Му?

— Братец Му, — Ю Мэн тут же подстроился под него. — Я просто был занят делами в школе.

Это было объяснением, почему он не ответил сразу.

На самом деле во время этого молчания Му Бомин больше занимался самоанализом, поражаясь тому, как он мог выйти из себя из-за такой мелочи и даже потерять самообладание. Теперь же, когда Ю Мэн протягивал ему мостик для примирения, в подобных копаниях вроде бы отпала всякая необходимость.

Му Бомин спросил:

— Что у нас на ужин?

Ю Мэн ответил:

— Я ем всё.

————

Тем же вечером рисунок Ю Мэна оказался у Му Бомина в руках.

По выражению лица Му Бомина невозможно было понять, рад он или нет — он лишь свернул в рулон листок формата А4 с тем рисунком и бросил:

— Завтра я отвезу тебя в одно место.

Ю Мэн удивился:

— В какое место?

Му Бомин постучал свернутым рисунком по его лбу:

— Туда, где делают дела.

Так называемым местом для ведения дел оказался частный гольф-клуб.

Ю Мэн впервые попал в подобное заведение и всю дорогу послушно следовал за Му Бомином, проходя все процедуры вроде переодевания, пока наконец не оказался на поле с клюшкой для гольфа в руках.

Растерянный, но не сникший.

Му Бомин обошел его со спины, заключив в кольцо рук, и принялся рука об руку обувать правильному хвату. Их тела соприкоснулись так близко, что сквозь одежду ощущались очертания друг друга, и Ю Мэн отчетливо уловил шлейф мужского одеколона Му Бомина.

Наклонившись, Му Бомин словно коснулся губами мочки уха Ю Мэна:

— Стандартное поле для гольфа включает в себя восемнадцать лунок, среди которых четыре лунки для длинных дистанций, четыре для коротких и десять средней длины…

Он с терпеливым видом принялся разъяснять правила игры в гольф, объясняя такие специфические термины, как пар и боги.

Ю Мэн знал, что многие выходцы из подобных кругов с малых лет обучаются верховой езде, гольфу и прочим дисциплинам, недоступным простым людям — именно так наглядно проявлялось расслоение общества. Вернувшись в семью Ю, он прошел краткий курс этикета, чтобы справляться с бесчисленными светскими приемами.

Возможно, посчитав это излишним, а возможно, просто забыв предложить ему освоить более конкретные навыки.

Обладая великолепной памятью, Ю Мэн быстро запомнил все правила и принялся тренироваться в ударах по мячу. Поначалу из-за непривычки удары постоянно уходили в сторону, но вскоре он освоился и даже умудрился загнать мяч в лунку с первого же удара.

Кэдди на поле восторженно закричали.

Му Бомин хлопнул в ладоши, подозвал махнув рукой помощника и велел вручить каждому кэдди по пачке наличных.

Заметив недоумевающий взгляд Ю Мэна, Му Бомин пожал плечами и пояснил:

— Таковы правила. Лунка с первого удара — это заветная мечта любого игрока в гольф, за такое положено устраивать угощение в честь праздника или откупаться от кэдди и обслуживающего персонала.

Ю Мэн приподнял державшуюся в руке клюшку и осмотрел ее:

— У богачей всегда найдется способ раскидываться деньгами.

Му Бомин усмехнулся:

— И то верно.

Атмосфера была приятной, как вдруг помощник быстрым шагом подбежал ближе, сперва бросил быстрый взгляд на Ю Мэн, а затем протянул телефон Му Бомину и с неловким видом виновато пробормотал:

— Директор Му, звонит молодой господин Ю Нин.

Улыбка Му Бомина не доходила до глаз:

— Что стряслось?

Помощник замялся:

— Сегодня… вообще-то проходит вторая передвижная выставка картин молодого господина Ю Нин.

Ах.

Выставка была назначена на сегодня?

Услышав это, потерявший было интерес Ю Мэн повернул голову в их сторону.

Встретившись взглядом с устремленными на него глазами Ю Мэна, Му Бомин невольно изогнул губы:

— Сбрось.

— Но… — помощник растерялся.

Заметив, что Му Бомин собирается помрачнеть, сидевший рядом Ю Мэн внезапно подал голос, и его звонкий тон отчетливо прозвучал в воздухе:

— Почему бы не послушать, что хочет сказать старший брат?

Му Бомин несколько секунд неподвижно смотрел в глаза Ю Мэну, после чего протянул руку к помощнику.

Помощник расторопно передал телефон.

Разговор продолжался, разве что был переведен в беззвучный режим — включив громкую связь, Му Бомин нацепил фальшивую улыбку:

— Что случилось?

— Братец Бомин, — голос Ю Нин звучал так, будто он плакал. — …Неужели, неужели это старший брат не пускает тебя на мою выставку? Когда он только вернулся домой, он точно так же докучал маме, я уже привык, но…

http://bllate.org/book/32905/4029362